

ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ (1937–1945 гг.)

Изучение политики государства в отношении отдельных наций является важным для выявления особенностей социально-политического положения того или иного этноса и его взаимоотношений с властью и обществом. Применительно к периоду 1937–1945 гг. особенно актуальным представляется исследование политики СССР в отношении немецкой нации. Во-первых, Германия в 1930-х гг. была одним из главных потенциальных противников СССР (включая период вынужденного советско-германского «партнерства» 1939–1941 гг.), а в 1941–1945 гг. вела с Советским Союзом войну на уничтожение. Во-вторых, этнические немцы в СССР являлись достаточно многочисленным народом (около 1.5 млн человек, что в конце 1930-х гг. составляло до 0.8% населения страны) и до августа 1941 г. имели свое национально-территориальное образование – АССР Немцев Поволжья (НП), – находившееся на высоком уровне социально-экономического развития.

В историографии рассмотрены проблема формирования «образа врага» в советской политике и пропаганде во время советско-германского противостояния, различные аспекты истории АССР НП, вопросы депортации немецкого народа¹, однако этнический аспект советской политики в отношении последнего в исследуемый период изучен недостаточно. Цель данной статьи – показать целостную картину взаимоотношений власти, общества и немецкого этноса в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Концепция немецкой диаспоры в СССР как «шпионской и диверсионной базы» была сформулирована в Советском Союзе уже в середине 1920-х гг. Советские спецслужбы утвердились во мнении, что «многомиллионное население немецкого происхождения» настроено «националистически и профашистски», является врагом «коммунизма и советского строя» и «почвой для германской разведки». Они предупреждали руководство своей страны, что «особую опасность в случае войны» представляет «фактор компактного проживания немцев в пограничных зонах, крупных промышленных областях и “благотворных” земледельческих районах»².

После прихода НСДАП к власти в Германии в 1933 г. руководство СССР стало все более склоняться к мысли, что советские немцы – это «пятая колонна», которая обязательно «проявит себя при начале военных действий»³. С 1934 г. в рамках начатой в том же году кампании «по борьбе с фашизмом» развернулось мощное наступление на национальную культуру советских немцев – запрещались и преследовались многие их традиции и обычаи, вплоть до исполнения народных песен⁴.

Наряду с обвинением в «распространении фашистского влияния и культивировании националистических убеждений» советским немцам приписывались попытки организации диверсионных актов на промышленных предприятиях и железных дорогах⁵. В 1937 г. практически все руководство АССР НП было репрессировано по сфабрикованному делу о «подпольной националистическо-фашистской организации»⁶. На Украине власти объявили, что в республике имеет место «вредительство разных наций», намекая на немцев⁷. В 1936–1937 гг. с целью «очистения» приграничной полосы немецкие и польские хозяйства выселялись из западных районов Украины. В 1938 г. немцы были уволены с предприятий оборонной промышленности и «вычищены» из военных училищ⁸. В 1937–1939 гг. упразднили подавляющее большинство немецких национальных районов и сельсоветов (наряду с аналогичными национально-территориальными образованиями других этносов). Открыто стали звучать заявления о том, что «все немцы в СССР являются шпионами»⁹.

* Синицын Федор Леонидович, кандидат исторических наук, соискатель Института российской истории РАН.

После подписания в 1939 г. Пакта о ненападении между СССР и Германией антигерманскую пропаганду прекратили, но антинемецкие акции продолжались. В 1939–1940 гг. в Германию в «добровольно-принудительном порядке» депортировали часть немецкого населения пограничных территорий, вошедших в состав СССР, в том числе 86 тыс. человек с Западной Украины и 124 тыс. человек из Молдавии¹⁰. 23 июня 1940 г. был издан приказ НКВД «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей», включая немцев¹¹, в мае 1941 г. упразднен Ванновский немецкий национальный район (Краснодарский край).

В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. войны с Германией немецкий этнос в СССР окончательно превратился в «неблагонадежный элемент». Уже в июле руководство Советского Союза приняло негласное решение о депортации советских немцев из Поволжья в Сибирь, Среднюю Азию и на Урал. 28 августа 1941 г. был издан соответствующий указ, в котором говорилось, что среди немецкого населения Поволжья якобы имелись «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы». Поволжских немцев обвинили в том, что они не сообщали «о наличии такого большого количества диверсантов и шпионов», и, следовательно, якобы скрывали их в своей среде¹². Депортацию немцев осуществили в сентябре 1941 г. – марте 1942 г. В сентябре 1941 г. АССР НП была официально упразднена. Тогда же началась демобилизация из РККА военнослужащих немецкой национальности (всего 33 516 человек)¹³. В сентябре и октябре 1941 г. были приняты решения о выселении этнических немцев из почти 20 других регионов европейской части СССР¹⁴.

Всего за годы Великой Отечественной войны насильственным образом переселили 949 829 советских немцев¹⁵. Депортированные получили статус «спецпереселенцев» и обязывались строго соблюдать установленный для них режим и подчиняться распоряжениям спецкомендатуры НКВД, не имея права без разрешения отлучаться за пределы района расселения (самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность). Находясь на спецпоселении, они подверглись вторичным репрессиям – принудительной мобилизации в трудовую армию, условия в которой практически не отличались от лагерных. В трудовой армии оказались переселенцы мужского пола в возрасте от 15 до 55 лет, годные к физическому труду, а также женщины 16–45 лет, кроме беременных и имевших детей в возрасте до 3 лет.

Удар по немецкому этносу нанесла и советская пропаганда, направленная на воспитание «лютой ненависти к врагу»¹⁶, которым стали немцы – «разбойники», «насилишники», «грабители», «изверги». И.В. Сталин в своей речи 6 ноября 1941 г. выдвинул лозунг «Смерть немецким оккупантам!», призвав «истребить всех немецких оккупантов до единого». С 10 декабря 1941 г. лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заменен на «Смерть немецким оккупантам!» на армейских печатных изданиях, а с 20 декабря – на знаменах воинских частей. Характерно, что по отношению к народам стран, воевавшим на стороне Германии (финнам, румынам, итальянцам, венграм и др.), такой политики не проводилось. Они рассматривались в качестве «второстепенных оккупантов», к помощи которых гитлеровцы прибегли с целью «разбавить» свою армию¹⁷.

Идеология ненависти распространялась средствами литературы и публицистики. В официальных выступлениях редко говорили, что войну против СССР развязала нацистская Германия, предпочитая фразу «На нас напали немцы»¹⁸. Советские листовки утверждали: «Немец не человек, а зверь»; «Немцам недолго осталось жить. Красная армия всех их уничтожит, как бешеных собак»¹⁹. Некоторые пропагандистские материалы содержали утверждение о поголовной виновности немецкого народа²⁰. Сентенции о том, что «война советского народа против фашистских захватчиков есть, вместе с тем, и война за лучшее будущее немецкого народа, за вновь обретенную честь, за свободную Германию», жестко критиковались как «крупная политическая ошибка»²¹.

Тем не менее, чтобы не допустить чрезмерного отхода от декларируемых в СССР принципов интернационализма, в политике по отношению к немецкой нации совет-

скому руководству приходилось лавировать. В феврале 1942 г., на волне успехов на фронте, Сталин провозгласил, что у РККА «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому», так как «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»²². Однако, в связи с ухудшением военной ситуации, с лета 1942 г. накал «узаконенной ненависти» к немцам как вражеской нации усилился. Пропаганда делала упор на широкое распространение информации о «зверствах немцев над пленными и на оккупированной территории», на воспитание у советских воинов «гнева,... жажды мести и расплаты»²³.

Одним из главных апологетов антигерманской политики стал известный писатель и публицист И.Г. Эренбург. Его статья «Убей!», проникнутая высоким духом патриотизма, вместе с тем прозвучала как гимн ненависти к немецкой нации: «Немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье... Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы... Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов... Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля». Аналогичные призывы проходят красной нитью через другие публикации этого автора: «Плюнь, убей и снова плюнь!»; «Поклянемся: они не уйдут живыми – ни один, ни один!»; «Скота нет. Навоза тоже нет. Есть только немцы. Ими мы удобрим нашу многострадальную землю»; «Не медли, убей немца!»²⁴. Лозунг «Убей немца!» окончательно стирал различия между «немцами» и «фашистами»²⁵. Это больно ударило по этническим немцам Советского Союза. Клеймо врага и «фашиста» пало на головы депортированных немцев, не имевших ни малейшего отношения к «коричневой чуме». Узник трудармии Р. Дайнес вспоминал, что в 1942 г. на арке ворот их лагеря «появился ошеломляющий лозунг “Убей немца!”... Люди шли через ворота и не хотели верить глазам своим. Пройдя под “убийственным” транспарантом, еще раз оглядывались. Но и с фасадной стороны ворот на ткани цвета запекшейся крови красовались те же уничтожающие слова. На работе только и разговоров было, что об этом лозунге... Недоумевали, возмущались, строили различные предположения и догадки. Никто и понятия не имел о статье Эренбурга. Большинство “трудмобилизованных” пришло к выводу, что неспроста вывесили такой транспарант, видно, скоро всем конец придет». Об аналогичном случае упоминал А. Мунтаниол, также узник трудармии: «Когда в “Известиях” была напечатана статья, где известный литератор призывал убить не фашиста, а немца, в нашей столовой появилось огромное красное полотнище с лозунгом: “Хочешь жить – убей немца!”. Это была последняя капля, отнявшая у нас всякую надежду на выживание»²⁶.

Следует отметить, что и вся советская пропаганда военного времени использовала антинемецкую риторику, построенную на призыве «Убей!». Широко известно стихотворение К.М. Симонова «Убей его!»: «Так убей же немца, чтоб он, // А не ты на земле лежал... // Так убей же хоть одного! // Так убей же его скорей! // Сколько раз увидишь его, // Столько раз его и убей!»²⁷. В 1942 г. выпустили плакат с призывом «Папа, убей немца!». Лозунг «Хочешь победы – убей немца!» стал лейтмотивом выступления Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова на всесоюзном митинге молодежи 7 ноября 1942 г.²⁸ На воспитание ненависти к немцам была нацелена публикация материалов об уничтожении гитлеровцами мирного населения оккупированных областей и уgone в рабство советских граждан²⁹. В апреле и мае 1943 г. в войсках провели митинги «о зверствах гитлеровских оккупантов» и аналогичные выставки. На митингах воины РККА давали клятву «мстить»³⁰. Пропаганда среди населения оккупированных территорий также была направлена на усиление ненависти к немцам и призывала их убивать³¹. Неприязнь ко всему немецкому выразилась в переименовании ряда населенных пунктов СССР (Шлиссельбурга, Петергофа и Дудергофа в Ленинградской обл.³², а также многих городов и сел на бывшей территории АССР НП).

Однако в конце войны нагнетание ненависти и мстительности по отношению к вражеской нации стало нецелесообразным. У советского руководства впереди была

перспектива взаимодействия с немецким народом в Германии после войны. С целью более гладкого вхождения восточной части этой страны в сферу влияния СССР, следовало сохранить взвешенный и гуманный подход к немецкой нации, и поэтому принимались меры по охлаждению пыла антигерманской пропаганды и переводу ее с национальных рельсов на классовые³³. В речи 6 ноября 1944 г. Сталин подчеркнул, что «советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания»³⁴.

Особенно ярко изменение политики по отношению к немецкой нации проявилось в официальном «осаживании» Эрэнбурга. В опубликованной 11 апреля 1945 г. статье «Хватит!» он писал, что «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности» и утверждал, что все немцы без исключения должны будут ответить за преступления гитлеровского режима³⁵. 14 апреля 1945 г. крупный партийный функционер Г.Ф. Александров ответил ему статьей с красноречивым названием «Товарищ Эрэнбург упрощает», в которой подверг жесткой критике тезисы о том, что «все немцы одинаковы», «все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики» и т.п. Александров подчеркнул, что «Красная армия... никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ»³⁶.

Другой причиной поворота в политике относительно немецкой нации были начавшиеся после вступления советских войск на территорию Германии акты мести, в том числе в отношении гражданского населения со стороны тех воинов, родные которых были убиты гитлеровскими оккупантами³⁷. Советское руководство приложило особые усилия, чтобы прекратить распространение незаконных и разлагающих армию акций. В январе 1945 г. было приказано «не допускать грубого отношения к немецкому населению», «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя» и карать за мародерство, насилие, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения³⁸. 20 апреля 1945 г. было издано распоряжение, требовавшее «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению, и обращаться с ними лучше»³⁹. Так как поворот в политике оказался достаточно крутым и противоречивым, политработникам пришлось немало потрудиться, чтобы вновь развести в сознании людей понятия «фашист» и «немец»⁴⁰, и изменить сформированную предшествовавшей политической работой в ходе войны установку на месть. Приглушив антинемецкую пропаганду, руководство СССР, тем не менее, предостерегало, что «улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами»⁴¹.

Отметим, что антинемецкая политика, несколько сбавив тон, проявлялась в СССР и после войны. 18 июля 1945 г. был издан приказ о запрещении немцам работать на шахтах на квалифицированных должностях⁴². В 1945–1947 гг. руководство Калининградской обл. выражало беспокойство по поводу проживания в ней свыше 100 тыс. немецких граждан, которых оно считало врагами, якобы «дурно воздействовавшими» на советских людей. Почти все пожары, аварии на производстве, падеж скота и прочие беды списывались на немцев. Несмотря на вполне добрососедские отношения между русским и немецким населением, обком характеризовал немцев как «крайне озлобленных людей, готовых на все, чтобы подорвать, ослабить безопасность, задержать хозяйственное освоение и развитие области»⁴³. В итоге, в сентябре 1947 г. было принято решение депортировать немецкое население с территории области в восточную часть Германии.

Что же касается советского общества, то в предвоенные годы в нем отсутствовали явные антинемецкие настроения⁴⁴. Дело в том, что советская пропаганда, в 1933–1939 гг. культивируя образ Германии как врага, представляла «братский по классу» народ этой страны в качестве жертвы нацистских властей, от которых его отделяла. С началом войны образ «врага-фашиста», принимая национальную окраску, превратился в образ «врага-немца»⁴⁵. Ненависть к немцам особенно сильно возросла после Сталинградской битвы, когда были освобождены большие районы страны, и воины Красной армии увидели ужасы оккупации. В повседневной речи слова «фашист» и

«гитлеровец» использовались реже, чем просто «немец»⁴⁶. Последнее имело ругательный оттенок. Например, в листовке, изданной в 1943 г. для граждан СССР, оставшихся на оккупированной территории, негативный образ лидера русских коллаборационистов А.А. Власова подчеркивался такими выражениями: «Власов – немец. Власов – кровавый гитлеровский бандит»⁴⁷ (эпитеты, даваемые в России немцам во время Первой мировой войны, например, «Чингисхан с телеграфом»⁴⁸, по сравнению с этим звучат наивно).

В тылу отрицательное отношение к советским немцам со стороны чиновников сохранялось в течение всей войны. Даже органы НКВД отмечали, что отдельные руководители предприятий допускали «грубое обращение» с немцами-трудармейцами⁴⁹. Так, 14-летней работнице-немке, систематически перевыполнявшей нормы, начальник цеха на ее просьбу помочь талонами ответил грубым окриком: «Ступай к своему Гитлеру за хлебом»; начальник отдела шахты «Северная» категорически отказался снабжать мобилизованных немцев: «Обеспечивать не буду никакими товарами и буду к ним относиться бездушно»; начальник шахты «Бутовка», проводя общее собрание рабочих, в своем выступлении огульно ругал всех рабочих-немцев, которые «являются врагами русского народа»⁵⁰; руководитель Зыряновского райкома (Казахстан) считал, что «много у нас к этой фашистской сволочи гуманизма»⁵¹; в Алтайском крае председатель сельсовета говорил про депортированных немцев: «Зачем их прислали к нам сюда, они будут здесь шпионить и вредить» (подавшись таким настроением, местные дети в этом селе жестоко избили камнями немецких детей, крича, что «бьют немцев, наступающих на СССР») ⁵².

Основным фактором, определившим негативное отношение к советским немцам, стало отождествление их с немцами Германии. По воспоминаниям Р. Плюкфельдера, когда осенью 1941 г. депортированных из Поволжья немцев везли в эшелоне в Сибирь, на одной из станций рядом стоял поезд с ранеными советскими солдатами. Услышав немецкую речь, одни солдаты закричали: «Дайте мне автомат, .. я их всех перестреляю!»; «Смотрите, что ваши сволочи сделали со мной!»; другие пророчили: «Немец прет со страшной силой. И если далеко зайдет, возьмет Москву, то мы вот эту сволочь всю уничтожим». В районах ссылки многие местные жители говорили депортированным немцам, что это они «начали войну», относились к ним с пренебрежением, называли «фашистами»⁵³. В трудармии их также часто принимали за гитлеровцев⁵⁴. Так, даже в День Победы 9 мая 1945 г. десятник на шахте в Киселевске сумел испортить праздник честно трудившимся всю войну немцам-трудармейцам, объявив: «Это не ваша победа, это поражение немцев»⁵⁵.

Советских немцев постоянно призывали искупить некую мифическую «вину». Р. Плюкфельдер вспоминал, что на митинге перед отправкой женщин-немок в трудармию в январе 1943 г. сельский военком сказал: «Вероломные убийства и разбой творят ваши сородичи, немцы с земли ваших предков. Но в Германии есть коммунисты, которые выступают против Гитлера. И мы считаем, что вы должны быть солидарны с ними!»⁵⁶. Такие чиновники не понимали или не хотели понимать, что российские немцы были гражданами и коренными жителями нашей страны, не имевшими никакого отношения к Германии.

Ситуацию усугубляло то, что многие люди даже не знали, что на территории СССР издавна жили «свои» немцы, и вообще мало знали о немцах. По воспоминаниям детей военного времени, они думали, что это «не люди», так как «их... видели только в кино»⁵⁷. Некоторые представляли их не иначе, как «чудищ с рогами». Г. Вольтер вспоминал: «Кое-кого из нас на полном серьезе просили снять шапку, дабы убедиться, что у него нет рогов, какие изображались на головах гитлеровцев в газетах и на плакатах того времени. Не обнаружив на стриженных головах ожидаемых бугорков, многие приходили к выводу, что мы, кажется, не настоящие фашисты... Было высказано и другое, не лишнее остроумия мнение: “Это фашисты, но без рогов. Другая порода”»⁵⁸.

Отношение к советским немцам менялось, когда местные жители осознавали, что немцы СССР и Германии – это разные люди⁵⁹. Советских немцев стали называть

«наши, русские немцы», а про немцев Германии говорить: «Это они напали на нас, а не наши немцы». Местные жители защищали «своих» немцев в разных ситуациях, утверждая, что те «ни в чем не виноваты»⁶⁰. Известны многочисленные проявления человеческого отношения к немцам. При осуществлении депортации в сентябре 1941 г., по воспоминаниям Я. Галлера, местные жители бросали немцам «деньги, хлеб, булочки, огурцы». Позднее, уже в трудармии, он остался жив «только благодаря многим хорошим и сердечным людям» из числа местного населения⁶¹. Русские соседи помогали укрываться немцам, прятавшимся от НКВД⁶². Во многих местах, где размещались депортированные немцы, проявлений ненависти к ним не было⁶³. Руководители, вольнонаемные рабочие, большинство местного населения не только относились к немцам доброжелательно, но нередко делились с ними продуктами⁶⁴.

В годы войны в Советском Союзе заключалось немало смешанных браков, в которых один из супругов являлся этническим немцем⁶⁵. В тех лагерях трудармии, где режим был менее строгим, процветало свободное общение мобилизованных немцев с местным населением, имели место неофициальные браки⁶⁶, в том числе с вольнонаемными работниками предприятий⁶⁷. Отмечалось терпимое отношение к немецким военнопленным в тех городах, которые не знали оккупации (пленные даже без опасности для себя передвигались по городу без конвоя)⁶⁸. На тех советских заводах, где немецкие военнопленные и советские граждане работали вместе, были «дружеские беседы, ухаживания, тайные встречи, совместные выпивки и прочие «интимные связи»». За этим скрывалась обычная жалость к военнопленным и стремление помочь им. В июне 1944 г. была издана специальная директива НКВД о пресечении подобных явлений, однако вплоть до репатриации военнопленных эту «проблему» так и не решили⁶⁹.

В заключительный период войны из-за особенностей национальной психологии нередким стало проявление чувства жалости к поверженному врагу, вытеснившее былую ненависть. Во время шествия пленных немцев по улицам Москвы и Киева в июле 1944 г. в то время как одни граждане кричали «сволочи, чтобы они подошли» и «расстрелять их всех надо»⁷⁰, другие молча провожали взглядами темные, сгорбленные фигуры, а женщины и дети со слезами на глазах протягивали им хлеб⁷¹, кое-кто кидал в толпу пленных яблоки и табак⁷². Во фронтовом фольклоре все более ощущались нотки сочувствия к «обманутому немецкому солдату»⁷³. Хотя после вступления советских войск на территорию Германии, как уже говорилось, были отмечены различные эксцессы и акты мести, характерным стало преодоление мстительных чувств, проявление «великодушия победителей», что удивляло даже самих немцев⁷⁴.

В советском тылу власти, как правило, пресекали такое доброжелательное, гуманное отношение. При этом применяли «маленькую хитрость» – перед прибытием депортированных немцев чиновники не уточняли, что это граждане СССР, не имевшие никакого отношения к Германии⁷⁵. Население настраивали соответствующим образом, чтобы пресечь его общение с немцами. Особое внимание обращалось на недопустимость обмена с ними вещами и продовольствием, оказания какой-либо помощи. Людям внушали, что советские немцы являются «немецкими (гитлеровскими. – Ф.С.) пособниками» и любые контакты с ними означали «разглашение государственной тайны»⁷⁶. Любого, кто хоть раз замолвил за немцев слово или помог им в чем-либо, могли вызывать в парткомы, НКВД и толковывали, что «они не патриоты своей Родины, так как связываются с врагами народа». Особенно сильное давление оказывалось на тех, кто вступал в брак с немцем или немкой⁷⁷: движение по служебной лестнице было для них закрыто. Власть стремилась пресечь предоставление немцам любых, даже обоснованных, «привилегий», например, получения скота взамен сданного государству при депортации, а также трудоустройства «на легкую или ответственную работу» (счетоводом, бригадиром, агрономом)⁷⁸.

Важнейшим вопросом является выяснение уровня лояльности этнических немцев СССР к государству. Судя по статистике демобилизованных, во время Великой Отечественной войны состояли на службе в РККА как минимум 33 516 советских граждан немецкой национальности, в том числе 1 609 офицеров, 4 292 сержанта и 27 724 рядо-

вых. Несмотря на приказ об отзыве немцев из армии, на фронте по разным причинам, в том числе путем сокрытия своей национальности, их осталось немало, многие из них за боевые подвиги были удостоены высоких наград⁷⁹. Предательства, превышающего средние показатели по другим национальностям, среди советских военнослужащих из числа этнических немцев почти не наблюдалось (только в 2.5% случаев сдача в плен была намеренной). Даже в условиях плена, несмотря на выделение немцев в категорию привилегированных военнопленных, большинство их отказывалось от сотрудничества с германским режимом и предпочитало оставаться в лагерях военнопленных на общих основаниях, часто скрывая свою национальность⁸⁰.

На оккупированной территории СССР осталось около 350 тыс. советских граждан немецкой национальности. Деятели Рейха, такие как А. Розенберг, Г. Гиммлер и Г. Лейбрандт, еще до начала войны предлагали рассматривать их как опору Германии в деле освоения новых территорий, а в июле 1941 г. Гитлер приказал выдвигать советских немцев на руководящую работу⁸¹. Во исполнение этого приказа оккупационные власти активно пытались привлекать к сотрудничеству местных немцев, которые после регистрации получали статус фольксдойче. Было создано несколько ведомств для опеки над местными немцами, которым предоставлялись продуктовые пайки, питание в специальных столовых, дополнительные земельные участки, денежные пособия и т.д.⁸² Из числа фольксдойче оккупанты старались подбирать бургомистров, старост, других должностных лиц местного значения, вербовать переводчиков, агентов полиции и гестапо⁸³.

Выполняя гитлеровский «заказ», оккупационные власти на практике часто изобретали «соотечественников». Например, в августе 1941 г. в Смоленске обнаружили несколько давно ассимилировавшихся немцев, которых «в этнополитических интересах» Германии признали фольксдойче. Сам факт наличия последних на оккупированной территории СССР для гитлеровцев был более важен, чем их действительная этнокультурная принадлежность к немецкой нации⁸⁴.

Главной причиной принятия статуса фольксдойче для многих этнических немцев была возможность получения продуктового пайка, что в тяжелых условиях жизни в оккупации имело первостепенное значение⁸⁵. Проявилось здесь и недовольство перегибами советской власти, особенно на западных окраинах⁸⁶. Однако в то время как некоторые местные немцы оккупантам активно помогали, другие сразу же от них отмежевались. В частности, в Белоруссии значительное число фольксдойче активно выступило против гитлеровцев, приняло участие в партизанском движении и даже руководило партизанскими отрядами⁸⁷.

Оккупационным властям так и не удалось обнаружить в немецком населении СССР предполагаемую массу предателей, готовых перейти на службу Германии⁸⁸. Среди немцев предателей и изменников в процентном отношении было не больше, чем среди русских, украинцев или литовцев⁸⁹. При отступлении гитлеровцев часть фольксдойче добровольно осталась на советской территории, а некоторые вывезенные в Германию фольксдойче впоследствии добровольно вернулись в Советский Союз⁹⁰.

Депортация этнических немцев СССР была бессмысленной и ущербной в политическом и экономическом отношениях⁹¹. Немцы наиболее пострадали от репрессий по национальному признаку во время Великой Отечественной войны – были депортированы первыми, пережили вторичные репрессии (трудармия), реабилитированы в числе последних, а их национальную автономию так и не восстановили.

В политике Советского Союза прослеживались аналогии как с антинемецкими акциями в странах Европы – реакцией на страх перед немецкой «пятой колонной», так и с политикой Российской империи во время Первой мировой войны, когда борьба с «германским засильем» в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях экономики должна была способствовать формированию у населения шовинистических, ура-патриотических настроений⁹². В общественное сознание внедрялась установка, что все немцы в России были ее «скрытыми врагами», готовыми в любой момент нанести стране «удар в спину». В отношении немецкого населения империи были предприняты

репрессии, в том числе депортация 200 тыс. немцев из Царства Польского. В начале 1916 г. обсуждался вопрос об изъятии из действующей армии всех лиц немецкого происхождения и направлении их на «полевые работы в помощь населению империи»⁹³.

Однако во время Первой мировой войны политика по отношению к немецкой нации стала в большей степени «антигерманской», чем «антинемецкой». Хотя звучали призывы считать российских немцев виновными «во всех бедах страны», это касалось только подданных Германии и лиц, «употреблявших в домашнем быту немецкий язык и сохранивших свои национальные особенности»⁹⁴. Таким образом, принималось во внимание не собственно этническое происхождение, а сохранность «немецкого» самосознания. «Обрусевшие» немцы врагами не считались. Но даже и такой подход нельзя назвать справедливым в отношении российских немцев, так как оснований для подозрений не было⁹⁵.

Что же касается отношения к этническим немцам во время Великой Отечественной войны, то наблюдалось умышленное или непреднамеренное непонимание отсутствия значимой связи между ними и Германией. Ведь в XVIII в., когда происходило переселение в Россию немецких колонистов, – предков большинства советских немцев – не было еще ни единого германского государства, ни единой немецкой нации. Среди их населения преобладало «областное», а не «общегерманское», самосознание, особенно в среде крестьян и ремесленников, составлявших большинство. Культурно-бытовое и языковое своеобразие населения отдельных земель, а также областное самосознание сохраняется до сих пор⁹⁶. Никогда не имевшие отношения к единому Германскому государству российские немцы вряд ли могли отождествлять себя с ним. К началу Великой Отечественной войны проживавшие на территории СССР «немцы» («Deutschen») более 150 лет почти не контактировали с «германцами» («Deutschländer») и поэтому сильно отличались от них по самосознанию, языку, основным элементам материальной и духовной культуры. При этом для российских немцев характерна иерархичность национального самосознания – себя они часто называют швабами, австрийцами, баварцами, ципсерами, меннонитами и др. Отдельно выделяют себя поволжские немцы («Wolgadeutschen»). Вдобавок, с немецким населением в России смешались колонисты из других стран – голландцы, швейцарцы, французские гугеноты и др.⁹⁷, что также оказало влияние на формирование особого менталитета российских немцев. Среди советских немцев сохранялась характерная для немецкого языка диалектная разобщенность, с которой в Республике Немцев Поволжья властям приходилось бороться путем внедрения немецкого литературного языка⁹⁸.

Оторванность российских «Deutschen» от Германии проявлялась и ранее, до Октябрьской революции 1917 г., хотя тогда препятствий к их связям с этой страной никто не чинил. Публицисты начала XX в. отмечали, что российские немцы не являли собой «тип германской нации», а «представление о тесных связях колонистов со своими соплеменниками в Германии было мифом». Отмечалось, что «если колониста-немца снова отправить в Германию, то он окажется в чужой, непонятной ему среде, и рано или поздно вернется в Россию»⁹⁹. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. часть немецких колонистов, никогда ранее не интересовавшихся вопросами своего гражданства, из-за нежелания идти на войну стала заявлять о своем германском подданстве, добиваясь возвращения на «историческую родину». Однако внезапно вспыхнувший у них «германский патриотизм» был лишь трюком. Пересекая границу Российской империи, немцы в подавляющем своем большинстве ехали не в Германию, а в Америку, подыскивая себе более благоприятные места для проживания¹⁰⁰. Таким образом, привязанности к Германии не отмечалось даже у того меньшинства немцев, которое покинуло Россию. Очевидно, еще меньше ее было у большинства, которое осталось.

В 1920-е гг. и вплоть до прихода к власти Гитлера в Германии советское руководство поощряло культурный обмен между ею и АССР НП, в том числе взаимные визиты, контакты с общественными организациями, получение литературы и периодических изданий. Как минимум до мая 1937 г. не было строгого запрета на переписку с граж-

данами Германии и получение оттуда посылок. Очевидно, это повлияло на повышение интереса советских немцев к своей «исторической родине». Однако в массе своей они по духу так и не приблизились к Германии, и тем более не стали опорой Третьего рейха. Они отделяли себя от «германцев» даже в тяжелейших условиях ссылки и трудармии («Скорее бы разбить этого проклятого немца, и будем свободно жить»)¹⁰¹.

Германская разведка не смогла опереться на помощь немецкого национального меньшинства в Советском Союзе. В октябре 1941 г. оккупационные власти отмечали, что «местные немцы, даже если они не являются коммунистами, имеют совершенно неправильные представления о взаимоотношениях внутри Рейха, а также о национал-социалистических лидерах», а «представителям интеллигенции не понятно чувство дискриминации». Гитлеровцев возмущало, что советские немцы «к евреям... обычно относятся безразлично», считая их «безобидными людьми, не внушающими никаких опасений»¹⁰². На оккупированной территории Украины было выявлено, что «национальные черты фольклорно выражены слабо, зачастую мало кто может говорить на немецком языке»¹⁰³. Среди советских немцев, оказавшихся на захваченной верхмахтом территории, не было обнаружено «никаких признаков оживления национальной деятельности»¹⁰⁴. Органы СС с горечью докладывали об отсутствии «германских качеств» среди этнических немцев Советского Союза, многие из которых говорили только на польском, русском или украинском языках, и «забыли, как работать» (очевидно, «как хорошо, по-немецки, работать». — Ф.С.). Вместо того, чтобы, как ожидалось, найти очаги «истинной немецкости», оккупанты обнаружили немцев, слившихся с коренным населением и попавших под влияние его культуры¹⁰⁵. Поэтому гитлеровские власти пытались возродить национальное самосознание этнических немцев, в том числе путем издания и распространения среди них соответствующей литературы (например, букварей «Будь немцем», изданных тиражом 31 500 экземпляров)¹⁰⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период налицо были предпосылки для обособления советских немцев (или хотя бы компактно проживавших немцев Поволжья) в самостоятельный этнос со своими культурными, лингвистическими и прочими особенностями. Однако советская власть избрала путь отождествления советских немцев с «Deutschländer».

Во время войны советские немцы в полной мере испытали на себе как тяжелейшие репрессии и несправедливые притеснения, основанные на факте их этнического родства с немцами Германии, так и человеческое отношение со стороны сограждан. Немцы Германии, вторгшиеся на территорию СССР, получили моральный отпор в виде обостренной ненависти, которая в конце войны переродилась в гуманность по отношению к поверженному врагу.

Примечания

¹ См.: *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Козлов Н.Д.* Образ врага в сознании народа и отношение к нему в годы Великой Отечественной войны // *Образ врага*. М., 2005. С. 12–26; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2: Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994; *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы в СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М., 1998; *Чеботарева В.Г.* Государственная национальная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999; и др.

² *Савин А.И.* Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов) // *Вопросы германской истории: Сборник научных трудов*. Днепропетровск, 2007. С. 1, 3–7, 10.

³ *Мозговая О.С.* Этнические немцы СССР как фактор советско-германских отношений. Саратов, 2004. С. 19.

⁴ *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Указ. соч. С. 25.

⁵ *Плохотнюк Т.Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С. 152.

⁶ *Арггольд Г.Д.* Имя мое. Воспоминания, статьи, документы, выступления. М., 2008. С. 30.

- ⁷ *Чирко Б.В.* Немецкая национальная группа в Украине в контексте государственной этнополитики 20–30-х гг. XX ст. // Вопросы германской истории. С. 207–208.
- ⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 396.
- ⁹ «Если аресты будут продолжаться, то... не останется ни одного немца – члена партии». Сталинские чистки немецкой политэмиграции в 1937–1938 годах // Исторический архив. 1992. № 1. С. 119.
- ¹⁰ *Перковский А.Л.* Источники по национальному составу населения Украины в 1939–1944 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С. 53; *Пасат В.И.* Потери Республики Молдова в годы Второй мировой войны // Там же. С. 119.
- ¹¹ *Алиев И.И.* Этнические репрессии. М., 2008. С. 120–121.
- ¹² Большевик (Энгельс). 1941. 30 августа. С. 1.
- ¹³ *Бугай Н.Ф.* Депортации народов // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 310–311.
- ¹⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 8, л. 171–172; д. 12, л. 42–43, 62–63, 176, 195–196.
- ¹⁵ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 573, л. 286.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 119, л. 9.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* Речь на параде Красной Армии // Известия. 1941. 8 ноября; *Александров Г.* Текущий момент Отечественной войны и задачи агитаторов // Большевик. 1942. № 13. С. 42; *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 80.
- ¹⁸ *Плюкфельдер Р.В.* Чужой среди своих. Кн. I. Невыездной. М., 2008. С. 89.
- ¹⁹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 410.
- ²⁰ *Василевская В.* Ненависть // Красная звезда. 1942. 1 января. С. 3.
- ²¹ *Костырченко Г.В.* Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 91.
- ²² *Сталин И.* О Великой Отечественной войне... С. 46, 52–53.
- ²³ РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 19, л. 66.
- ²⁴ *Эренбург И.* Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля; *он же.* Война. М., 1943. С. 39, 49, 145; *он же.* Суд скорый и правый // Красная звезда. 1942. 22 сентября.
- ²⁵ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 83, 85.
- ²⁶ *Вольтер Г.* Зона полного покоя. Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998. С. 101.
- ²⁷ *Симонов К.* Убей его! Презрение к смерти. М., 1942. С. 3–5.
- ²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 142, л. 13.
- ²⁹ *Калинин М.И.* Война Отечественная и война тотальная. Киров, 1943. С. 3; Нота Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова // Известия. 1943. 12 мая.
- ³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 171, л. 32–43.
- ³¹ Там же, л. 221, 137.
- ³² Там же, оп. 3, д. 1049, л. 76.
- ³³ *Сомов В.А.* Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. С. 265.
- ³⁴ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне... С. 161.
- ³⁵ *Эренбург И.* Хватит! // Красная звезда. 1945. 11 апреля.
- ³⁶ *Александров Г.* Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 1945. 14 апреля. С. 2.
- ³⁷ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁸ Там же. С. 89, 91.
- ³⁹ *Семиряга М.* Приказы, о которых мы не знали: Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. 1994. № 15. С. 56–57.
- ⁴⁰ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 92–93.
- ⁴¹ *Семиряга М.* Указ. соч. С. 56–57.
- ⁴² *Плюкфельдер Р.В.* Указ. соч. С. 205, 213.
- ⁴³ *Костяшов Ю.В.* Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 107, 109.
- ⁴⁴ *Кринко Е.Ф.* Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 75.
- ⁴⁵ *Сенявская Е.С.* Психология солдата // Война и общество. Кн. 2. М., 2004. С. 216–217.
- ⁴⁶ *Hosking G.* Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. Cambridge; London, 2006. P. 193.
- ⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 47–47 об.

- ⁴⁸ Олейников Д. От рыцарства до презрения. Влияние Первой мировой войны на отношение к немцам // Россия и Германия в XX веке. В 3 т. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С. 161.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 135, л. 21–23.
- ⁵⁰ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч. С. 122–124.
- ⁵¹ Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). Сборник документов. Алматы; М., 1997. С. 108.
- ⁵² Герман А.А. Указ. соч. С. 310.
- ⁵³ Плюкфельдер Р.В. Указ. соч. С. 39, 80.
- ⁵⁴ Вольтер Г. Указ. соч. С. 98, 103.
- ⁵⁵ Плюкфельдер Р.В. Указ. соч. С. 161.
- ⁵⁶ Там же. С. 85.
- ⁵⁷ Помнить вечно. М., 1995. С. 43–44.
- ⁵⁸ Вольтер Г. Указ. соч. С. 103.
- ⁵⁹ Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. М., 2005. С. 233.
- ⁶⁰ Плюкфельдер Р.В. Указ. соч. С. 70, 100–101, 126.
- ⁶¹ Они сражались за Родину... С. 236.
- ⁶² Плюкфельдер Р.В. Указ. соч. С. 43.
- ⁶³ Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает. М., 2002. С. 36.
- ⁶⁴ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч. С. 124.
- ⁶⁵ Там же. С. 124–125.
- ⁶⁶ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 135, л. 11.
- ⁶⁷ Там же, л. 123.
- ⁶⁸ Медведев Р. Русские и немцы // Кентавр. 1995. № 1. С. 12.
- ⁶⁹ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. С. 115–118.
- ⁷⁰ ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 65, л. 395; д. 66, л. 229.
- ⁷¹ Горяева Т.М. «Мы предчувствовали полыханье...»: Образ противника в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2007. С. 112.
- ⁷² ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 66, л. 230.
- ⁷³ Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 141.
- ⁷⁴ Сенявская Е.С. Противники России... С. 94–95.
- ⁷⁵ Они сражались за Родину... С. 233.
- ⁷⁶ Вольтер Г. Указ. соч. С. 98–99.
- ⁷⁷ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч. С. 125.
- ⁷⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 688.
- ⁷⁹ Бугай Н.Ф. 40-е годы: Автономия немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. 1991. № 2. С. 174; Они сражались за Родину... С. 194–198, 201–202, 213.
- ⁸⁰ Герман А., Шульга И. «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Советские немцы на фронте и в тылу врага // Родина. 2010. № 5. С. 31.
- ⁸¹ Мозговая О.С. Указ. соч. С. 20; Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 412.
- ⁸² Мартыненко В.Л. Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». М., 2009. С. 443, 445.
- ⁸³ Соловьев А.В. Фольксдойче и их взаимоотношения с нацистскими организациями в Рейхскомиссариате Украина // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 140–141.
- ⁸⁴ Bergen D.L. The Nazi Concept of 'Volksdeutsche' and the Exacerbation of Anti-semitism in Eastern Europe, 1939–1945 // Journal of Contemporary History. Vol. 29 (1994). P. 570–571.
- ⁸⁵ Мартыненко В.Л. Указ. соч. С. 445.
- ⁸⁶ Ионг Л., де. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004. С. 270.
- ⁸⁷ Тугай В.В., Тугай С.М. «Фольксдойче» в Беларуси (1941–1944 гг.) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Вып. 3. Мінск, 2004. С. 182–184.
- ⁸⁸ Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 411–412.
- ⁸⁹ Исаков К. 1941: Другие немцы. Была ли в Поволжье «пятая колонна» // Новое время. 1990. № 17. С. 37.

⁹⁰ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 154, л. 70.

⁹¹ Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 309.

⁹² Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 7–8.

⁹³ Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000. С. 368, 377.

⁹⁴ Соболев И.Г. Указ. соч. С. 42, 57, 61.

⁹⁵ Нелипович С.Г. Варшава: шпионские страсти Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». М., 2009. С. 551, 557.

⁹⁶ Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999. С. 373–374.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии. М., 2009. С. 430–431.

⁹⁹ Шубина А.Н. Политика российского правительства по отношению к немецким колонистам во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 6. С. 75.

¹⁰⁰ Шульга И.И. Русско-японская война и немцы Поволжья // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». С. 334.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 156, л. 216.

¹⁰² Ионг Л., де. Указ. соч. С. 270.

¹⁰³ Мартыненко В.Л. Указ. соч. С. 445.

¹⁰⁴ Ионг Л., де. Указ. соч. С. 270.

¹⁰⁵ Bergen D.L. Op. cit. P. 573.

¹⁰⁶ Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 165, 237.

© 2012 г. К. Н. МАКСИМОВ*

УСТАНОВЛЕНИЕ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НАЦИСТОВ В КАЛМЫКИИ (август – декабрь 1942 г.)

В конце июля 1942 г., после серьезных успехов в Крыму и под Харьковом, соединения немецкой группы армий «Юг», разделенные, согласно директиве Гитлера № 45 от 23 июля 1942 г., на группы армий «А» и «Б», захватив стратегическую инициативу и подведя свежие резервы, перешли в мощное наступление на кавказском и сталинградском направлениях. Немцы вынудили войска Красной армии Южного фронта отойти к нижнему течению Дона, а Юго-Западного – за Дон, к Сталинграду. В результате фронт советских войск оказался расколотым, в нем образовалась брешь шириной до 500 км.

Военные соединения группы армий «Б», наступавшие на сталинградском направлении, с начала августа 1942 г. стали вторгаться с юга (части 52-го армейского корпуса) и запада (части 40-го и 48-го танковых корпусов 4-й танковой армии) на территорию Калмыцкой АССР. К середине августа войска противника овладели и взяли под контроль стратегическую дорогу Ворошиловск (Ставрополь)–Дивное–Элиста–Сталинград (до внешнего обвода сталинградской обороны) и от Элисты на 140 км углубились на астраханском направлении. В результате, в театр предстоящих военных действий группы армий «Б» попала и калмыцкая степь – область размером с Бельгию, по выражению немецкого историка В. Тике.

* Максимов Константин Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.